

К БИОГРАФИИ МЫСЛИ НИЦШЕ

К сожалению, всё ещё актуальным остаётся тот подход к философии Ницше, который существенным для её понимания полагает биографию мыслителя. При этом часто используются по большей части софистические рассуждения, что поскольку Ницше «проживал» свои мысли и поскольку он делал свою биографию предметом рефлексии, постольку понять его философию можно именно исходя из познания и учёта того, в какой семье он рос, каким были его детство и юность, какие тапочки он носил и как он чихал. Даже если признать, что для немецкого философа собственная жизнь оставалась той проблемой, которая требовала её продумывания, из этого вовсе не следует, что познание этой жизни позволит нам понять рефлексию о ней.

Но в подобных заявлениях более странным оказывается другое: сама постановка вопроса о принципах понимания философии Ницше. Очевидно, что этот вопрос говорит о непонимании этой философии, о том, что она на первый, на второй и на десятый раз всё ещё остаётся непрояснённой. И для того, чтобы пробиться через эту стену непонимания, выстраивают самые причудливые и неожиданные конструкции, надеясь, что они помогут перелезть через ту стену. Между тем как в ней есть обычная дверь, в которую надо всего лишь войти.

Этой дверью является не биография философа, а его мысль и её жизнь, её развитие и изменение. Ибо первое, что зачастую забывается, но в то же время первое, из чего следовало бы исходить – это то, что мысль Ницше развивалась и мы можем проследить это развитие. При этом несомненно как то, что существовала масса внешних условий, благодаря которым происходило это развитие, так и то, что само развитие мысли прежде необходимо представить изолированно, вне их связи со всем тем внешним, что могло повлиять на неё, и уже после этого можно говорить о различного типа влияниях. В противном же случае нетрудно заметить совершенно странный ход: говоря, что для понимания философии Ницше необходимо прежде знать те внешние условия, которые на неё повлияли, уже допускают саму эту мысль известной: как можно выяснять условия влияния без познания того, на что это влияние произошло?

Таким образом, представляется возможным раскрытие биографии – но не мыслителя Ницше, а его мысли. Существенной чертой этой биографии должны стать целостность, поскольку без неё представляется невозможным говорить о развитии мысли Ницше.

Нельзя сказать, что вопрос о целостности философии Ницше не поднимался в исследовательской литературе. Более того, с первых же моментов широкого распространения философии Ницше и по сегодняшний день вопросу о целостности уделяется особое внимание. Однако зачастую вся «целостность» анализа сводилась, *с одной стороны*, к искусственному распределению мыслей Ницше по различным темам. Так, Б. Рогачёв в своей работе с характерным названием «Ф. Ницше. Схематизированная интерпретация его философии» полагает, что дать схематизированную интерпретацию философии Ницше – значит «сгруппировать сентенции и взгляды мыслителя таким образом и в таком порядке, чтобы выяснилась та плодотворная мыслительная деятельность, которая способна изменить течение нашей жизни и направить её на новый путь» [12, VII], при этом группирование нацелено на «ту ясность мысли, которую он (Ф. Ницше – *A.P.*) во многих случаях старался затемнить» [там же, XI]. И в русле своего понимания «схематизированной интерпретации» Б. Рогачёв собирает из разных произведений Ницше его высказывания о свободе воли, о философии, о немцах и т.д. Очевидно, что таким образом понята «схематизированная интерпретация» даже не даст общего представления о философии Ницше, поскольку сам принцип такой интерпретации совершенно случаен, а потому и невозможен. *С другой стороны*, существовали и существуют и иные подходы к вопросу о целостности философии Ницше, но, к сожалению, за редкими исключениями [1], суть подхода сводилась только лишь к выделению у Ницше трёх периодов его творчества, что само по себе имеет огромную важность, однако в данном случае решающим оказывается в большей степени то, почему этих периодов обнаруживается именно три, а также то, каким именно образом происходит переход от одного к другому.

Но прежде чем анализировать возможную целостность творчества Ницше, следует задаться вопросом о том, возможно ли вообще говорить о целостности или даже систематичности по отношению к такому, казалось бы, несистематичному, а, может быть, даже антисистематическому мыслителю, как Ницше. При положительном ответе на данный вопрос можно будет рассмотреть отношение немецкого философа к целостности вообще и к целостности своей философской концепции в частности и только лишь после этого будет возможным указать на саму суть целостности философии Ницше. С этой целью в качестве начала исследования необходимо присмотреться к тому, что немецкий философ сам говорит относительно данного вопроса, при этом обзор мыслей Ницше в данном случае достаточно провести лишь по принципу констелляции.

1. Ницше о возможности системы в философии

Начнём с самого известного по этому поводу заявления Ницше, содержащегося в одном из разделов «Сумерек идолов». «Я не доверяю всем систематикам и сторонюсь их. Воля к системе есть недостаток честности», – заявляет вполне недвусмысленно немецкий философ [1, II, 560]. И пусть остаются пока невыясненными, что Ницше подразумевает под честностью и почему именно о недостатке честности говорит «воля к системе», всё же нельзя не заметить как абсолютную неприязнь систематичного подхода, в том числе и в философии, не исключая при этом и саму философию Ницше, так и требование быть честным в своей философии, стремление ко всякому нечестному действию в сфере последней [2]. Необходимо отметить, что именно этот афоризм лёг в основу множества тех интерпретаций, которые утверждают антисистематичность взглядов Ницше. Однако представляется любопытным вопрос о том, что же Ницше подразумевает в данном

случае под понятием системы. К сожалению, в доступном наследии творчества Ницше на этот вопрос прямого ответа не найти, но вместе с тем можно обнаружить несколько косвенных указаний на него. Так, в поздних заметках Ницше отмечает: «Я не достаточно узок для системы – и даже для моей системы» [5, XIV, 354]. Здесь мы видим всё то же недоверие систематическим построениям, но вместе с этим подчёркивается узость последних, и тем самым уже можно говорить о том, что же Ницше видит одним из недостатков системостроительства, и, следовательно, о том, что невозможно ожидать от Ницше: всякая система, говорит философ, ограничена, замкнута, узка – а настаивание на этой узости и является нечестностью. Та же узость подчёркивается и во фрагменте, появившемся чуть ранее, но всё же непосредственно связанным с предыдущим: «Такие догматики как Данте и Платон слишком далеки от меня и может быть именно поэтому слишком очаровательны: они проживают в доме познания, аккуратненьком и прочным своей верой. Один в своём собственном, другой в христианско-патетичном. Необходимо проявить огромную силу и гибкость, чтобы удержать себя не в догматичном мире, а в незаконченной системе со свободными, неограниченными перспективами» [3, VII/3, 149]. Данный пассаж из неопубликованного при жизни наследия принципиален сразу же в нескольких моментах. Во-первых, здесь систематичность отождествляется с догматичностью, т.е. замкнутостью и ограниченностью. На это необходимо сразу же обратить внимание, поскольку, как это будет видно, немецкий философ под догматичностью и будет понимать систематичную замкнутость, и именно это будет одним из пунктов его критики философии. Во-вторых, Ницше противопоставляет догматике неограниченность и свободу, которые, следовательно, и составляют для него если не идеал, то, по крайней мере, одну из задач в развёртывании своей философии. Таким образом, именно этого и необходимо ожидать от взглядов Ницше: необходимо отказаться от поисков системы философии Ницше в пользу поиска совокупности перспектив, содержащихся в последней. В этом свете кажутся понятными заявления Ницше, что «некоей ребячливостью или даже надувательством является то, что мыслитель выдвигает границы познания, систему» [3, VII/2, 128]. Тем самым, понятие системы связано у Ницше с границами, следовательно, с ограниченностью, которую философ никак не желает признавать.

Но было бы неверно свести вопрос о целостности мысли Ницше только к поиску такого рода перспектив. Сам же Ницше не отказывается от определённой целостности и последовательности в своих взглядах; более того, немецкий философ именно настаивает на этих моментах как вообще, так и по отношению к себе в частности. Начнём с общего настаивания на порядке в философии.

2. Ницше о возможности порядка в философии

Ницше не принимал любую форму систематичности, но это не означает, что немецкий философ отвергает порядок как в мысли, так и в изложении её. Понятие системы предполагает понятие порядка, но не наоборот, и это очевидное обстоятельство не всегда учитывают при обсуждении «систематичности» философии Ницше. Последний всегда настаивал на порядке в мысли и именно поэтому так часто можно слышать со страниц его сочинений призыв к «порядочности» в мышлении; каждая мысль, настаивает немецкий философ, приходит в связи с другими мыслями, а не хаотично, беспорядочно: «Любое удачное выражение, любая удачная мысль – хороши только в совокупности с другими, подобными им, выражениями и мыслями» [2, 316]. Это заявление Ницше можно было бы противопоставить всем тем (От М. Нордау до К. Ясперса и иже с ним), кто стремится во что бы то ни стало утвердить беспорядочность мысли Ницше. Очевидно, что в данном случае подразумевается некий порядок, в котором мысль существует и без которого мысль, по мнению Ницше, невозможна, мысль же вне порядка объявляется недостойной внимания и рассмотрения. Поэтому отдельные афоризмы Ницше – никак не следствие неупорядоченности его мысли, но продукт каких-то иных установок. И не случайно немецкий философ в другом месте заявляет: «Человеку, который много думал, каждая новая мысль, которую он слышит или читает, сразу представляется в виде цепи» [2, 263]. Следовательно, по Ницше, порядок и целостность не только возможно, но и необходимо предполагать при обращении к мыслям какого бы то ни было типа, и это требование немецкий философ распространяет на любые типы философствования. И не удивительно, что помимо общего требования следовать порядку Ницше настаивает на последнем и по отношению к своей философии.

3. Ницше о возможности порядка в своей философии

В «К генеалогии морали» немецкий философ заявляет: «Мы не имеем права быть в чём-либо *разрозненными*: нам негоже ни заблуждаться в розницу, ни в розницу настигать истину. Скорее, с тою же необходимостью, с каковою дерево приносит свои плоды, растут из нас наши мысли, наши ценности, наши 'да' и 'нет' и 'если' да 'или' – совокупно родственные и связанные друг с другом свидетельства *одной* воли, *одного* здоровья, *одной* почвы, *одного* солнца» [1, II, 409]. Подчёркнутое настаивание на единстве мысли не случайно, помимо всего прочего, ещё и потому, что оно появляется на закате философской жизни Ницше – в тот самый момент, когда обзревается всё сделанное как свысока, так и со стороны. И это единство, целостность и упорядоченность своей философии с ещё большей открытостью провозглашается в письмах. «Весьма любопытно! Я понял мои сочинения за четыре недели... У меня теперь абсолютное убеждение в том, что всё сделано правильно от самого начала – всё одно и означает одно» [4, III/5, 111]. Таким образом, по крайней мере сам же Ницше заявляет, что вся его философия – одно.

Не стоит, разумеется, сильно доверять подобным заявлениям и потому предстоит ещё выяснить, прав ли был Ницше, однако то, что *для Ницше* единство его философии было очевидным – факт бесспорный и проходить мимо него при выяснении сути взглядов философа невозможно. Поэтому никак нельзя согласиться с теми, кто выводил из стиля философии Ницше противоречивость последней: афористический стиль не

говорит ничего ни за, ни против последовательного изложения материала, и говорить о противоречивости и непоследовательности в данном случае было бы преждевременным допущением.

4. Ницше о существе порядка в своей философии

Было бы мало смысла проводить этот констеллятивный обзор с целью показать, что Ницше, отвергая систематичность в философии, всё же не только не отказывается от её целостности и упорядоченности, но и призывает к ней, при этом подобный призыв прослеживается не столько в указании на возможность порядка, сколько в требовании рассматривать саму философию Ницше как нечто единое и имеющее порядок. Поэтому, убедившись, что порядок возможен, необходимо указать на последний именно с целью полного рассмотрения вопроса о целостности философии Ницше.

Заметим и сопоставим два момента.

С одной стороны, в исследовательской литературе уже стало тривиальным выделение в творчестве Ницше трёх периодов. Первый ограничивается работами, написанными немецким философом до 1875 года: «Рождение трагедии из духа музыки», «Несвоевременные размышления» и ряд статей. Считается, что Ницше в этот период находился под влиянием Вагнера и Шопенгауэра, в связи с чем, как правило, появляется аббревиатура «Ницше романтического периода» и «ранний Ницше». Второй период ограничивается 1875-1881 годами, когда на свет появились «Человеческое, слишком человеческое», «Утренняя заря», первые главы «Весёлой науки». В связи с увлечением Ницше в данный период естественными науками, а также в связи с особой проблематикой работ, период получил название «критический Ницше» или даже «позитивистский Ницше». Наконец, третий период ограничивается 1881-1888 годами, когда философом были написаны последние главы «Весёлой науки», «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «К генеалогии морали», «Сумерки богов», «Казус Вагнер», «Ницше контра Вагнер», «Антихрист», «Ессе Номо» и множество заметок и неопубликованных фрагментов. В связи с пафосом творения ценностей данный период именуют «созидательным периодом» или же просто «поздним Ницше».

Спорить с данной рубрикацией творчества Ницше смысла не имеет прежде всего потому, что она действительно соответствует положению дел, что подтверждает и исследовательская традиция. Однако всё же можно было бы задаться вопросом о том, почему эти периоды именно таковы и почему их именно три, для чего следует обратить внимание на другой момент.

С другой стороны, в начале работы «Так говорил Заратустра» Ницше говорит о «трёх превращениях духа»: верблюде, льве и ребёнке. Присмотримся к этим метафорам. «Много трудного существует для духа, для духа сильного и выносливого, который способен к глубокому почитанию: ко всему тяжёлому и самому трудному стремится сила его. Что есть тяжесть? – вопрошает выносливый дух, становится, как верблюд, на колени и хочет, чтобы хорошенько навьючили его... Всё самое трудное берёт на себя выносливый дух: подобно навьюченному верблюду, который спешит в пустыню, спешит и он в свою пустыню» [1, II, 18]. Верблюд – это метафора того состояния «духа», при котором, во-первых, признаются существующие ценности, но при этом, во-вторых, эти ценности давят, как давит груз верблюда – давят в силу того, что ценности «тяжелы», быть может даже лживы, но нести их, признавать их всё же необходимо в силу неизвестной пока причины, по велению неизвестного, но всемогущего Хозяина верблюда. Именно такое состояние возможно охарактеризовать как *пессимизм*, – и не случайно именно пессимизм видит и ценит Ницше в Шопенгауэре, Вагнере и древних греках.

Следующее состояние – состояние льва – Ницше характеризует как положение свободы от этого груза ценностей, «свободу хочет он (лев – *A.P.*) себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне» [там же]. При этом лев отвергает того самого Хозяина, что понукал верблюда и который знал только два слова: «ты должен!». Лев противопоставляет этому своё – чуть ли не пушкинское – «Что за дело вам? Хочу!», в котором явствует отрицание всего того, что признавалась до сих пор ценным. «Создавать новые ценности – этого не может ещё лев; но создать себе свободу для нового созидания – это может сила льва. Завоевать себе свободу и священное Нет даже перед долгом – для этого, братья мои, нужно стать львом» [1, II, 19]. Очевидно, что лев – это разрушитель всего истинно-ценного, это тот зверь, который разрывает в клочья все существа, которые он видит, но этот зверь не порождает никаких новых, невиданных доселе существ; это отрицатель существующих ценностей, но без утверждения новых. Данную метафору льва возможно именовать *нигилизмом*, т.е. состоянием, при котором отрицаются, но не созидаются ценности жизни.

Наконец, третье состояние – ребёнок. «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения. Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое слово утверждения: *своей* воли хочет теперь дух, *свой* мир находит потерявший мир» [там же]. Ребёнок – это творец, который тем и занимается, что творит новое, творит именно исходя из той силы, что заложена в нём. Данное состояние возможно и необходимо наименовать как то состояние, когда уже лев оставлен далеко позади, как состояние преодоления нигилизма и как состояние творения новых ценностей.

Заметим, что «верблюд», «лев» и «дитя» – это не просто «существа», живущие в «жизни», а своеобразные формы отношения к ней, благодаря чему и возможно сопоставить их соответственно с пессимизмом, нигилизмом и преодолением его [3].

Характерно, что данные отношения встречаются у Ницше и в других работах, при этом именуются они по-разному. Так, во фрагментах начала 1884 – периода, когда была закончена третья часть «Так говорил Заратустра», – Ницше говорит о «дороге к мудрости», состоящей из *трёх* шагов. При этом «*первый шаг*» означает «почитать (а также повиноваться и учиться) лучше, чем кто бы то ни было. Собрать в себе всё то,

что заслуживает почитания, и позволять всему этому бороться друг с другом. Нести всё тяжёлое. Аскетизм отваги духа» [3, VII/2, 157-158]. Думается, схожесть, если не тождественность мысли, заложенной здесь, с состоянием верблюда-пессимизма очевидна. Точно так же и второй, и третий «шаги к мудрости» почти теми же – если не абсолютно теми же – словами указывают на соответствующие состояния. «*Второй шаг*. Разбить почитающее сердце (когда оно слишком тесно связано). Свободный ум. Независимость. Период пустынн. Критика всего того, что почитается (идеализация противоположного этому), попытка произвести переоценку. *Третий шаг*. ... Нет больше бога, нет человека *выше* меня! Инстинкт творца... Дайте право действовать» [там же]. Конечно же, Ницше не строг в данном случае (как и во многих других) на терминологию. Если судить формально, уже в цитированном выше фрагменте есть противоречие: поначалу говорится о «трёх превращениях духа» [1, II, 18], из чего нами делается заключение, что дух остаётся тождественным, принимая три различных последовательных состояния, – и тут же Ницше говорит о том, «как дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребёнком становится лев» [там же], из чего мы выводим, что дух сам изменяется, трансформируется сначала в верблюда, потом во льва и затем в ребёнка. Противоречие *даже в одном и том же предложении* очевидно – разве возможно в этом случае говорить о целом взгляде на философию Ницше? Действительно, Ницше не строг в понятиях, но он строг в том, *на что* указывают его понятия. Разумеется, «верблюд» не появился ex nihilo и ему также предшествовала определённая форма. Но в то же время очевидно, что трансформируется один и тот же дух, – в противном случае не было бы самой трансформации. Главное для Ницше здесь не понятия, а те трансформации, «превращения», «шаги», о которых он и говорит. И здесь, как можно увидеть, Ницше последователен до конца – настолько, что смысл ничуть не изменится, если речь будет идти не о «трёх превращениях духа», а о «путях к мудрости».

Итак, немецкий философ настаивает на трёх этапах развития «мудрости», или «превращения духа»: верблюд, или пессимизм; лев, или нигилизм; ребёнок, или преодоление нигилизма. Но не кажутся ли странно похожими эти три этапа на те самые этапы, которыми определяется всё творчество Ницше? И то, что первый этап творчества философа отличается склонностью к пессимизму, и Ницше ссылается на Шопенгауэра и на Вагнера с преувеличенным пиететом, и то, что «критический Ницше» больше похож на разрушителя всех ценностей культуры (не случайно же Ницше писал о своей работе «Человеческое, слишком человеческое»: «Если присмотреться ближе, то здесь откроется безжалостный дух, знающий все закоулки, где идеал чувствует себя дома, где находятся его подземелья и его последнее убежище. С факелом в руках, дающим отнюдь не 'дрожачий от факела' свет, освещается с режущей яркостью этот *подземельный мир* идеала. Это война, но война без пороха и дыма, без воинственных поз, без пафоса и вывихнутых членов – перечисленное было бы ещё 'идеализмом'. Одно заблуждение за другим выносятся на лёд, идеал не опровергается – *он замерзает*... Здесь, например, замерзает 'гений'; немного дальше замерзает 'святой'; под толстым слоем льда замерзает 'герой'; в конце замерзает 'вера', так называемое 'убежище', даже 'сострадание' значительно остывает – почти всюду замерзает 'вещь в себе'...» [1, II, 736-737], – думается, что параллель со «львом» очевидна, и то, что, начиная с «Так говорил Заратустра», основной пафос всего написанного сводится к созиданию новых ценностей – всё это очень схоже с тем, что мы видели в этапах развития «духа», описанных самим же Ницше. И не случайно мысли об этих этапах появляются у немецкого философа в поздний период его творчества, когда стало возможным обозреть всё предшествующее. Скорее всего, Ницше сам осознавал, что он прошёл именно через эти «шаги к мудрости» [4]. И, возможно, именно это побудило его пересмотреть свои ранние произведения. Как известно, в 1886 году Ницше занялся переизданием своих ранних работ, каждую из которых он снабдил новыми предисловиями. Часть этих предисловий, опять же, говорит об известных уже трёх этапах, что вполне симптоматично. Впрочем, справедливости ради стоит оговориться, что в этих же предисловиях можно найти места, где философ говорит не о трёх, а о двух этапах развития «духа», но это уже было вызвано тем, что для Ницше позднего периода творчества всё, что существует в жизни, следует делить по принципу «сила – слабость», и, соответственно, это деление Ницше применил и к своему опыту жизни, что не отрицает наличие трёх форм отношения к жизни.

Таким образом, большинство фактов говорит о том, что философию Ницше допустимо рассматривать как состоящую именно из названных выше трёх этапов [5], а потому можно несколько подкорректировать целостное представление о Ницше в том, что его философия может представлять собою три сменяющие друг друга фазы развития: пессимизм, нигилизм, преодоление нигилизма, что соответствует взгляду Ницше на сами эти фазы.

Но было бы ошибкой считать, что целостность философии Ницше состоит только в последовательной смене этих фаз и что задачей того, кто намеревается дать целостный взгляд на философию Ницше, является указание на эти этапы и наиболее полное описание их. Ошибка в данном случае состоит в том, что не ясно, почему этих этапов именно три и почему на смену пессимизму обязательно должен приходиться нигилизм, который, в свою очередь, обязательно сменяется стадией преодоления нигилизма.

Дело в том, что кроме самих узловых моментов этой целостности философии Ницше, т.е. кроме трёх этапов, существуют и моменты перехода от одного этапа к другому. И суть самих этапов и переходов от одного этапа к другому не будет ясна, если не будет сконцентрировано внимание на этих узловых точках-соединениях. Поэтому, чтобы целостный взгляд на философию Ницше был действительно таковым, внимания к переходам от одного состояния к другому должно быть не меньше, чем внимания к самим состояниям. Интересно, что Ницше также был озабочен этими переходными состояниями, – что не удивительно, ведь понятие нигилизм не в последнюю очередь означает понятие, как из пессимизма могло появиться такое состояние как нигилизм. В цитированных выше пассажах хотелось бы обратить внимание на то, что для Ницше важны не столько сами «верблюд», «лев» и «ребёнок», сколько то, «как дух *становится* верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребёнком *становится* (везде курсив наш – А.Р.) лев» [1, II, 18]. Сами состояния, взятые в их единстве с

переходными моментами этих состояний, т.е. состояния, рассмотренные в их развитии и переходе одних в другие – вот что должно являться предметом исследования того аспекта философии Ницше, который претендует на целостность взгляда [6]. Именно в таком ракурсе и возможно будет отметить, что та линия развития «духа», которую предлагает философ и по которой он сам прошёл, действительно не предполагает иных типов и тенденций развития, что ничего «четвёртого» и «пятого» за теми этапами, которые обрисовал Ницше, быть не может.

Чем грозит оказаться взгляд, не предполагающий подобную целостность? Что отрицательного в нецелостном подходе к философии Ницше? Скорее всего, в этом случае будет проигнорировано то, что философия Ницше развивалась, что Ницше постоянно совершал некоторую работу мысли, и эта работа приводила к новым открытиям и достижениям; эти последние, при условии целостного подхода к ним, становятся более понятными и очевидными. Такое же игнорирование произойдёт и в том случае, если учитывать разные периоды творчества Ницше, но при этом смешивать их и не акцентировать внимание на переходах одного этапа в другой. К сожалению, в исследовательской литературе довольно часты случаи того, как в погоне за собранием как можно большего числа мыслей Ницше по какому-то определённом поводу в «один котёл» попадает как то, что говорилось на самой заре рождения философии у Ницше, так и то, что говорилось уже на закате её. Вряд ли кому придёт в голову не учитывать развитие мысли между, скажем, кантовскими «Наблюдениями над чувством прекрасного и возвышенного» и «Критикой способности суждения». А по отношению к Ницше такое, к сожалению, всё ещё считается допустимым, и чуть ли не в каждой книге о Ницше мы тут и там можем встретить цитирование как из «Рождения трагедии», так и из «Так говорил Заратустра», да ещё при этом из такого обращения с текстами делают слишком далеко идущие выводы. По сути, это выказывает, по крайней мере, неуважение к самой мысли Ницше.

Итак, обращение к работам Ницше ни в коем случае не должно игнорировать того, к какому этапу творчества они относятся. Покажем это на примере.

В литературе и по сегодняшний день можно встретить вопросы о том, был ли Ницше нигилистом или нет. Пожалуй, одним из самых явных споров по этому вопросу был тот, который произошёл в 70-е года XX века между А. Данто и Р. Шахтом. Первый в своей работе «Ницше как философ» заявил, что творчество Ницше является нигилистическим и что нигилизм является центральным понятием его философии [8, 28]. В противовес этому Р. Шахт в статье «Ницше и нигилизм», напротив, стремится показать, что философия Ницше ни в коей мере не является нигилистической, Ницше, помысли Р. Шахта, «не является ни аксиологическим, ни метафизическим нигилистом» [13, 79]. Но примечательно, что для обоснования этой мысли исследователь ссылается на тот период творчества Ницше, который предполагает преодоление нигилизма. Но это не отрицает того, что философию Ницше действительно можно представить как нигилистическую, но уже на другом, втором этапе развития. Здесь следует учитывать, что понятие нигилизма у немецкого философа значительно шире, чем понятие как одна из форм отношения к жизни, и именно за счёт этой широты Ницше и говорит о христианстве как нигилизме. Но это – уже другой момент философии Ницше.

Таким образом, взгляд на философию Ницше как на целостную позволяет говорить о биографии мысли Ницше. Эта биография и есть приключения «духа» по «пути к мудрости». Разумеется, невозможно здесь представить эту биографию полностью и со всеми оттенками и перипетиями. Но можно с точностью сказать, что без учёта этой биографии то живое, что есть в философии Ницше – «биос» этой философии – легко может перейти в её безумие – в её «манию»: биография мысли с лёгкостью обращается в графоманию.

Примечания:

1. К редким, но интересным исключениям можно отнести работу Н.В. Мотрошиловой [10], в которой одной из задач исследования является задача «отработать приёмы специальной герменевтики, позволяющей внести современные мотивы в целостное прочтение Ницше и в то же время использовать наиболее ценное для решения этой задачи в имеющихся толкованиях оригинального творчества Ницше» [10, 222]. Автор применила этот принцип на работы «По ту сторону добра и зла» и «К генеалогии морали», в результате чего удалось обнаружить неожиданные ракурсы в этих работах Ницше. И всё же цель и задачи, поставленная в данном исследовании, отличается от задач Н.В. Мотрошиловой, поскольку целостность и порядок предполагается найти не в отдельных работах Ницше, а во всём его творчестве.

2. Интересно, что в подготовительных материалах к «Сумеркам идолов» встречается и другая формулировка, где говорится несколько иначе: «Воля к системе есть нечто, что компрометирует» [3, VIII/3, 333].

3. К сожалению, Ницше так и не нашёл подходящего понятия для обозначения третьего этапа. Понятие «преодоление нигилизма» недостаточно, во-первых, потому, что оно не несёт на себе никакой качественной характеристики, а указывает лишь на то, что, говоря словами Ницше, нигилизм оставлен «далеко позади», – тем самым, в некоторой степени «преодоление нигилизма» является отрицательным определением. Во-вторых, преодоление – характеристика любого из этапов: в конце концов, и нигилизм является преодолением пессимизма, равно как и пессимизм – преодолением «духа».

4. Любопытно, что ещё в самой первой исследовательской работе о Ницше на русском языке автор её, П.В. Преображенский, отмечал принципиальную связь личного пути Ницше как философа с тем, что он описывал в своих сочинениях: единство книг Ницше – это «единство его личности, единство проникающих её настроений, единство тех основных течений, по которым шла его мысль» [11, 37]. Как это ни странно, но это положение в философии Ницше часто оказывается забытым и по сегодняшний день. В то же время ещё П. Гаст в 1889 году отмечал схожую же мысль: «У Ницше жизнь и система составляли одно целое. Целостность Ницше, «система», единство его образа мысли, – всё это коренилось в его характере, в титанических

стремлениях его духа (курсив наш – *A.P.*). Разве этой «системы» недостаточно? Я вижу в этом больше того, что делают обычные системоспайщики философствующей Германии» [7, 241].

5. На связь философии Ницше с тремя этапами «превращения духа» указывают и современные исследования. Так, К. Лёвит пишет: «Подлинная мысль Ницше представляет собой своего рода систему мысли, в основании которой находится смерть Бога, в середине – проистекающий из неё нигилизм, а в конце – самопреодоление нигилизма в вечном возвращении. Этому соответствует тройное превращение духа в первой речи Заратустры» [9, 342]. Только относительно первого «превращения» имеются расхождения с тем, что представлено выше, однако немецкий ницшевед и не ставил своей целью исследование философии Ницше в её целостности и развитии.

6. Любопытно в этом отношении обратить внимание на оценку творчества Ницше со стороны тех, кто был знаком с философией Ницше «из первых рук», т.е. знал немецкого философа лично. Г. Брандес, известный датский критик, состоявший в переписке с Ницше в последний год его творчества – переписке, благодаря которой до нас дошли наинтереснейшие документы о творчестве Ницше в последний период – в своей статье о немецком философе «Аристократический радикализм» [6] не исходит из деления творчества Ницше на несколько этапов, но при этом исходит из развития мысли Ницше. С другой стороны, П. Гаст, много лет бывший чуть ли не единственным собеседником Ницше, в работе «Фридрих Ницше. Предисловие к «Так говорил Заратустра» [7] с первых же слов заявляет о трёх периодах творчества немецкого философа, но при этом не предполагается никакого развития – этапы берутся в их данности, в их статичности. Поэтому можно сказать, что цельным взглядом на философию Ницше будет тот, который совмещает в себе эти две представленные стороны: разделение творчества на этапы, но при условии прослеживания развития – там, где это возможно – этих этапов, а также при условии акцентировки на переходе от одного этапа к другому.

Литература:

1. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. М., 1990.
2. Ницше Ф. Утренняя заря. Свердловск, 1991.
3. Nietzsche Fr. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Hrsg. von G.Colli und M.Montinari. Berlin, 1967-1986.
4. Nietzsche F. Briefwechsel. Kritische Gesamtausgabe. Hrsg. von G.Colli und M.Montinari. Berlin, 1975-1982.
5. Nietzsche F. Werke im 20 Bänden. Leipzig, 1895-1902.
6. Брандес Г. Аристократический радикализм // Русская мысль. М., 1900. № 11. С.130-153. № 12. С.143-161.
7. Гаст П. Фридрих Ницше. Предисловие к «Так говорил Заратустра» // Жизнь. М., 1898. № 35. С.237-252. № 36. С.312-326.
8. Данто А. Ницше как философ. М., 2000.
9. Лёвит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. СПб, 2002.
10. Мотрошилова Н. В. «По ту сторону добра и зла» как философская драма // Ф. Ницше и философия в России. СПб, 1999. С.221-296
11. Преображенский П. В. Фридрих Ницше: критика морали альтруизма // Ф. Ницше: pro et contra. СПб, 2001. С.35-69.
12. Рогачёв Б. Ф. Ницше. Схематизированная интерпретация его философии. Париж, 1909.
13. Schacht R. Nietzsche and Nihilism // Journal of the History of Philosophy. London. 1973. Vol. XI. Jan. 1973. No. 1. P.65-90.